

В январе прошлого года Коянто исполнилось 70 лет. Я встретился с ним в Палане через год после этого события, и он подарил мне свою книгу «Олени бежали к морю», выпущенную тогда, к юбилею, в издательстве «Камчатский печатный двор». Книга состоит из стихов и прозы писателя. Листая ее, мы и разговаривали, слегка отвлекаясь на чай с вареньем, приготовленные супругой Коянто – Фаиной Николаевной, которой, кстати, и посвящена книга, так и написано: «Моей Берегине...»

– Владимир Владимирович, вы своей семьей соединили две культуры – корякскую и русскую. Как у вас складывались отношения с русской родней жены?

– Самые лучшие отношения. В стихотворении «Я принял крест» я так и пишу, говоря словами нашей русской бабки Мани: «Ты таперича владимирский, зятек, крест прими!..» Правда, я не крещеный. А что касается жены, то она – настоящая русская женщина. Если бы ее не было, то, может быть, и меня не было бы. А женаты мы 40 лет с лишним, сын, дочь у нас, внуки.

– Вы не крещеный потому, что отвергаете Православную религию?

– Нет, просто, как и многие, воспитан без влияния религии, на советской почве. Тогда ведь мы жили при другой идее, вернее – с идеологией. А сейчас, кстати, вообще ничего нет: идеология кончилась, а вера в массах пока поверхностная. Многие писатели из коренных северных народностей, кстати, потеряв былой стержень, былые идеи, сейчас ударились в шаманство. Но, я думаю: какие там из них шаманы? А вообще, жалко многих...

– Вы ведь многих известных писателей знали, дружили с ними, ездили в гости...

– И ко мне приезжали. За столом, где вы сидите, многие сидели, мы так же разговаривали. Теперь связи рвутся, теряются. Грустно. Я ездил делегатом на последний российский писательский съезд, на нем уже не встретил Рытхэу, не было Санги, а ведь он жил в Москве. Спрашиваю Айпина о них, а он отвечает, что звонил домой Санги, трубку взяла жена, сказала: «Сюда больше не звоните, он здесь не живет». Стало грустно, неуютно, я, как обычно, заплакал. Прилетаю домой, читаю в журнале, что Санги – на родном Сахалине, шаманит. А на столе Юрия Рытхэу лежит Библия, он

У каждого региона есть свои имена-символы. У Корякского автономного округа, например, это, среди прочего, – писатель и поэт Владимир Косыгин (Коянто), являющийся мудрым авторитетом для коренных северян. В последние годы он постоянно живет в Палане, но так и кажется, что продолжает колесить по родному округу, изучая его жизнь, встречая добрых людей, беседуя с ними. Его незримое присутствие чувствуется всюду, где начинают говорить о культуре северян, истории, правах.

Действительно, кто еще более Коянто сделал для своих земляков на поприще культуры и защиты их прав, особенно в 1990-91 годах, когда писатель был народным депутатом СССР последнего созыва перед распадом страны? Его знают, помнят, чтят, читают книги, ждут в гости. Старый пастух в далеком табуне говорил мне года три назад: «Не спорю, ты неплохой журналист, Александр, Камчатку знаешь, я читал, но Коянто, однако, лучше будет. Он-то свой, коряк, душу нашу знает». И это правда. В каждом поколении каждого народа обязательно находятся люди (их единицы), которые постигают всю душу своего рода-племени и начинают олицетворять ее для других. Таков и Владимир Владимирович Коянто – современный корякский писатель, человек пожилой и мудрый, заслуженный работник культуры РФ.

БАНКЕТНЫЙ ЗАЛ

Владимир КОЯНТО: «Я в России – коренной коряк!»

крепко в нее вчитывается. Почему, зачем? Да именно потому, что почва ушла, а нужна другая, вот и тянутся, ищут. Но, думаю, не найдут. Знал я раньше настоящих шаманов. Знал и мнимых. Зачем становиться мнимым? Со мной тоже была история, смешная, правда, когда меня назвали корякским шаманом. Я в шутку, в застолье, попрыгал перед костерком с крышкой от кастрюли, вызывал дождь, потому что хозяйева жаловались (мы, дальневосточные писатели, гостили на Полтавщине), что долго стоит засуха. Наутро небо затянуло, стало накрапывать. Я даже испугался такого неожиданного результата. Мне предложили: оставайся, шаманить будешь. А я записал в тот день в дневнике: «Если взялся шаманить – так шамань, взялся писать – так пиши». Поэтому – пишу, как видите.

– Вы сейчас назвали несколько известных имен северных писателей. Вообще, список их большой, в каждом народе есть хоть один писатель, поэт. Вы представляете корякский народ, а есть ли у вас последователи или последователи?

– Есть Юрий Алотов – хороший поэт, бард. Я его рекомендовал в Союз писателей. Еще

при СССР мы ездили на семинар (последний, увы) в Салехард. Это был международный писательский семинар. Я возил Юру Алотова и Тоню Власову. Юра продвигается, а вот Тоня – нет. Она журналист, писала на родном языке, но...

Сейчас некоторые пробуют, пишут, в том числе на родном языке, но дальше одного-двух рассказов не идут, издавать нечего. А сейчас время такое, что надо работать и работать, сидеть на месте нельзя, не догонишь, не запрыгнешь. Сын у меня кое-что пишет, но больше музыкой занимается, песнями, сочиняет. Поэтому похвалиться особо нечем, кроме Алотова, но Юра в данное время там, у вас, в городе. Вот и лежит все на моих плечах, и я чувствую, как давит эта ответственность.

– А если говорить о северной интеллигенции, которая и зародилась при советской власти, она как сегодня себя чувствует? В какую-то сторону перерождается или «вымирает»?

– Я как-то читал у Ключевского примерно такую фразу: интеллигенция стоит на краю обрыва. Наша, северная, как раз тоже стоит на краю. И не знает, что делать дальше. А я такую интеллигенцию не признаю. Мы

начали говорить о писателях, которые стали шаманить. Это из той же области. Интеллигенция должна быть твердой, гордой, независимой. Но она сроднилась с чиновничеством. А ведь чиновничество – не интеллигенция, хотя рядит себя в нее. Чиновник – зависим, он – слепой исполнитель закона, приказа до последней буквы, ибо только тогда он настоящий, хороший чиновник, а интеллигенция – она независимая, неподвластная, самостоятельная, капризная. Где у нас такая? Нету. Был я как-то в Петропавловске на празднике Первой рыбы. Собрались северяне на берегу, варят уху, людей приглашают, приговаривают: ешьте нашу рыбку. И благодарят чиновников за рыбу, которые тут же гордо выступают, говоря: мы дали вам рыбу, варите, если бы не мы, то... Стыдно! Северяне должны сами поймать рыбу, сварить и тогда только приглашать гостей. Чтобы было от души, натурально. Интеллигенция должна так себя вести, чтобы ее уважали, к ней прислушивались. Тогда и ловить рыбу можно будет, а не выпрашивать у тех же чиновников.

В этой книге есть у меня стихотворение, в котором такие строчки: «Я в России – корен-

ной коряк! Но теперь в России все мы – коренные». Да, все мы, каждый – коренник в упряжке, иначе не вытащим себя из того положения, в котором оказались. Это надо понимать. Увы, не все понимают. Многие из интеллигенции продолжают жить иждивенчеством, ожидая, когда можно выпросить манну небесную. Мы сейчас в таком времени живем, когда наша судьба от нас самих зависит. Не от дяди, как нас приучали все годы советской власти, а от нас. Я наблюдаю, вижу, что выпрямление в понимании идет, но медленно, нужно другое поколение, чтобы вконец избавиться от привычного иждивенчества. Мы-то такими и помрем, и нынешние молодые – тоже потерянное поколение, но другие обязательно придут, и они будут мыслить по-другому.

– То есть вы верите, что все поправится, в том числе на Севере? Верите, что и в душах северян поправится?

– Конечно, поправится, не может не поправиться! Хотя смотреть страшно. Вот у меня сейчас идет новая повесть «Абориген», где я говорю с пастухом. Бывшим хорошим пастухом, депутатом, который бросил поселок и ушел жить в лес. В поселок лишь приходит. И вот встречаю

его за селом, он жалуется: как жить в селе, если пришел пенсию получать, племянники узнали, подкараулили, не отстали, пока не отобрали. Возвращается старик к сыну, жене без подарка, без денег. Ведь сплошное бичевье сейчас в поселке, работы нет, заниматься нечем. И это не только в нашем округе. А интеллигенция тем временем все канючит: дайте рыбу, дайте тундру. А что ты делать будешь в тундре, если ничего не умеешь? В тундре должен жить тундровик, хозяин. Настоящие хозяева всегда были, и при советской власти были, только называли их бригадирами, звеньевыми. Богатые были люди. Они и сейчас есть. Он, бывало, выйдет в поселок, погуляет, и возвращается, тут не валяется, не шарается, потому что там – его хозяйство. И никто его не

трогал, потому что даже власть понимала, что без него оленеводства не получится, а своих в тундру не пошлешь. Куда же лезет нынешняя интеллигенция? В тундре хозяйева останутся и будут богатыми. И вокруг них будет складываться тот образ жизни, та культура, которые сопровождали северян всегда. И это греет душу. Увы, случится это не скоро, через два-три поколения. Но случится.

– Эту книгу «Олени бежали к морю» вы издали, а что на очереди?

– Новую надо уже издавать. А еще дневники свои готовлю, это будет много, это будет осмысление прожитого. На мое минувшее 70-летие организовали здесь творческий вечер, люди собрались – полный клуб. Подарки были, много читали. Всем огромное спасибо. Люди читают, знают, значит, надо работать. Сил, энергии еще достаточно, задуманного много.

– Спасибо за разговор, Владимир Владимирович, творческих вам успехов. Газетная теснота не позволяет сказать много, хотя мы с вами могли бы еще многие темы поднять. Спасибо.

Беседовал
Александр СМЫШЛЯЕВ.
Палана.